

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КОРОЛЕВСКИЕ ПРЕРОГАТИВЫ И ИХ КОНТЕКСТ

Монархия абсолютна по определению, в этом, как уже было сказано, заключена ее сущность. Термин «монархия» означает «правление одного», а не коллективное управление. И всё же монархическая власть реализовалась в различных стилях властвования. Король мог полагаться на министров, дававших ему советы или исполнявших его решения. Он даже мог позволить им принимать решения за себя, если был ленив или не имел возможности контролировать все из-за сложности системы управления. Он мог передать свои полномочия и, как Генрих VIII, отойти от дел. Он мог попытаться следить за всеми государственными делами и погрязнуть в ворохе бумаг, как Филипп II. Количество лиц, осуществлявших управление, не играло роли, поскольку их действия подкреплялись королевским авторитетом. На границе скромные провинциальные констебли производили аресты именем короля. Так как источником власти являлась корона, ей нельзя было оказывать сопротивление на законных основаниях. Армии присягали «Его величеству», а не представительным органам или абстрактному понятию «государство». Корона, таинственная и могущественная, была высшей инстанцией власти. После 1650 года ни один монарх не позировал для портрета без ее торжественного сияния. В Англии, где подданные, как обычно полагают, менее всего подвергались давлению, пять тысяч постоянных дворов с названием «Корона» свидетельствуют о прочной популярности этого символа.

ПЕРСОНАЛЬНАЯ МОНАРХИЯ

Роль личности в истории волнует ученых уже много столетий. Влияет ли отдельный человек на ход событий, или он всего лишь инструмент для

действия сил более важных, чем он сам, производственных, демографических и идеологических? Институт монархии предлагает ответ на этот вопрос. Поскольку монархия концентрирует власть в одном человеке, непредсказуемые события, такие как рождение ребенка или наследование престола, определяют судьбу государства. Законы о престолонаследии придавали матримониальной и репродуктивной деятельности королей эпохальное значение. В конце XVII века внутренняя и внешняя политика европейских стран определялась тем, что у английского и испанского монархов не было подходящих наследников. Подавляющее большинство войн XVIII столетия, которые велись до 1792 года, возникало из-за споров о наследовании трона. Во время восстаний провинции нередко поддерживали боковые ветви королевской фамилии в борьбе против короны. В 1718 году Бретань обращается к Филиппу V Бурбону, королю Испании, с просьбой оказать помощь в восстании против регента герцога Орлеанского. Сам монарх мог быть кем угодно — гением, как Фридрих II, или слабоумным ребенком. Действовал ли он самостоятельно или нет, был ли он энергичным или неуверенным в себе, его личность неизбежно отражалась на характере и стиле управления.

Некоторая преемственность между царствованиями достигалась благодаря тому, что министры оставались на своих постах. Но это было возможным лишь при условии, что король будет к ним благосклонен. А так как новые государи имели собственные планы, или, по крайней мере, собственную команду, быстрое устранение предшественников стало обычной процедурой как в Англии с ее так называемой парламентской монархией, установившейся после 1688 года, так и на континенте. В 1728 году одна лондонская газета опубликовала письмо с предостережением в адрес самонадеянных политиков: «Поскольку их положение зависит от воли суверена, в порыве гнева он вмиг может лишить их славы и величия; по большому счету их власть прекращается со смертью государя, и редко даже самый умудренный государственный деятель остается фаворитом двух государей».¹

Считается, что привязанность монархов Ганноверской династии к Уолполу определялась его влиянием в палате общин. Тем не менее сам он не думал пережить Георга I. Иногда новый монарх отрекался от деяний своего предшественника весьма решительно. Падение министров Генриха VII в 1509 году и министров Людовика XV в 1774-м с одной стороны показывает, что эти министры себя дискредитировали, а с другой — что новый государь мог таким образом легко добиться популярности. Здоровье правящего монарха всегда вызывало пристальный интерес.

---

¹ Black J. 1990. *Robert Walpole and the Nature of Politics in Early Eighteenth-Century England*. Macmillan. P. 37.

Значимость персоны монарха несомненна. Хотя бесконечные споры в придворных кругах и оказывали влияние на политику, избранная программа нуждалась, как минимум, в одобрении короля. Даже когда монарх полагался на главных министров и фаворитов, его одобрение было необходимым. Личность некоторых государей раннего Нового времени действительно была основной движущей силой в политической жизни их стран и оставила яркий след в истории. Петр I в России, Фридрих II в Пруссии и Иосиф II в Австрии действовали столь решительно, что не оставляли места политическим дискуссиям. Если короли с менее сильным характером расширяли полномочия советников, настроение и темперамент правителя пристально изучались его приближенными. Они скрупулезно отмечали и наиболее подходящее время для подания прошений, и любое новое пристрастие короля.

Элемент случайности, который старались предугадать политические группировки, был связан не только с личностью монарха. Другим фактором были его отношения с родственниками. Ганноверская династия, монархии Бурбонов и Романовых оказывались серьезно ослабленными из-за разногласий внутри своего клана. В исключительных случаях семейные раздоры могли поставить под угрозу стабильность режима. Узурпация престола, совершенная Ричардом III, окончательно подорвала положение Йорков и открыла дорогу династии Тюдоров. Немногие короли могли доверять своим родным и близким. Политические разногласия внутри королевского семейства были манной небесной для недовольных, так как это придавало оппозиции законные основания. Сыновья представляли собой серьезную опасность, если уже в правление отца становились достаточно взрослыми. Наследование престола малолетним государем таило в себе еще худшую опасность. Юный возраст правителя означал, что в лучшем случае начнется борьба за власть, а в худшем — массированное наступление на королевские prerogatives, оказавшиеся в неподготовленных руках. Отношения между знатью и короной обострялись во время периодов малолетства короля в 1550, 1610, 1640, 1710 и 1720-е годы. Самой серьезной угрозой были братья и принцы крови. Некоторые, например брат Людовика XIII Гастон, постоянно устраивали заговоры с целью добиться трона. Сильным правителям, подобным Людовику XIV, удавалось превратить родичей в марионеток и добиться того, чтобы они исполняли свою роль подобающим образом. Они могли служить кандидатами на вакантные или выборные престолы. Жены и матери также находились под подозрением. Софья-Фредерика-Августа Ангальт-Цербстская никогда не получила бы имя Екатерины Великой, если бы не одобрила убийство своего мужа, российского императора Петра III.

ПРЕРОГАТИВЫ И ИХ ОБОСНОВАНИЕ

Влияние монарха определяли его prerogatives. Они использовались каждый раз, когда подвергались сомнению непопулярные меры. Когда чиновника спрашивали, по какому праву он действует, ответ гласил: «именем короля». Королевские prerogative полномочия были определены вплоть до мельчайших деталей, однако оставалось место и для двусмысленностей и уступок. Прерогативы не были статичны. Без мудрого и осторожного использования они теряли эффективность. Применение prerogative было взрывоопасно, так как при этом больше людей страдало, чем выигрывало. Людовик XIV говорил, что после каждого произведенного им назначения он наживал девяносто девять врагов. И все же монархи, боявшиеся использовать свою власть, быстро ее теряли, как, впрочем, и те, кто злоупотреблял ею.

Прерогативы, в которых воплощалась королевская власть, в раннее Новое время имели два основания. Первым был тезис, заимствованный из сочинений Бодена, гласивший, что в государстве должна существовать только одна власть, суверенная, или верховная, а не разделение полномочий между монархом и феодальными сеньорами, характерное для Средних веков. Вторым основанием была вера в то, что Бог сделал короля своим наместником на земле, и эта должность наследуется в правящем семействе. Так как Боден не определил, кто именно должен обладать суверенитетом, то в совокупности оба основания породили теорию божественного права королей. Запрещено выступать даже против дурного короля (долг непротивления). Можно сопротивляться дурным приказам, однако подданным следует смириться с их последствиями (долг пассивного повиновения). Короли несут ответственность перед Богом, который в свое благословенное время разберется с дурными правителями, а пока подданным следует покоряться им. Эта идеология вытеснила средневековые представления о феодальном контракте, согласно которому подданные могли разорвать свою клятву верности, если король не выполнял взятые на себя обязательства. Однако в XVIII столетии идея контракта приняла иную форму. Монарх правил в соответствии с «общественным договором», по которому он был обязан улучшать благосостояние людей, а те — повиноваться ему. Вариант, при котором стороны отказались бы недовольным выполнением условий, не оговаривался.

Но существование prerogative не означало, что король мог поступать так, как ему вздумается. Монарх обладал властью, поскольку был источником и хранителем права: следовательно, он должен был действовать законно или потерять свою власть. Право в основном формировалось не из издаваемых им самим законов. «Основной закон», который он обещал сохранить в своей коронационной клятве, подчинял короля законам божествен-

ным и естественным (впрочем, достаточно туманным), а также обычному праву страны, в котором воплощались права его народа.¹

ГЛАВНЫЕ ПРЕРОГАТИВЫ

Теперь следует определить, какие именно права имели монархи раннего Нового времени. Поскольку монархиями в этот период являлись почти все государства, представляется возможным провести сравнительный анализ королевских prerogatives. То, что историки не уделяли достаточного внимания проблемам королевской власти, вызывает недоумение. В Английская историография концентрировала внимание на тех элементах конституции, которые способствовали формированию свобод, а не на тех, которые укрепляли власть. На континенте историки существование власти монарха принимали как должное, но не изучали. Убежденность историков в агрессивности «абсолютизма» порождала невнимательное отношение к неотъемлемым полномочиям короля, к *jure majestatis*, которым он всегда обладал.

Современники их равнодушия не разделяли. Королевские prerogatives перечислялись в десятках трактатов с уничтожающей скрупулезностью, но этот материал еще не подвергался систематическому исследованию. Сегодня кажется, что в большинстве государств королевские права были сходны, если не идентичны. Вариации возникали вследствие отдельных удачных попыток аристократических советов и штатов присвоить королевские prerogatives. Как правило, монархи контролировали внешнюю политику, назначали министров и должностных лиц, созывали сословное представительство, обладали законодательной инициативой, собирали феодальные и регальные налоги, учреждали новые суды и административные органы, регулировали торговлю, промышленность и чеканку монеты, даровали хартии, контролировали дороги, миловали осужденных и были источниками знатных достоинств и патронажа.

Эти полномочия назывались абсолютными, то есть решения по их использованию принимались только королем. В сфере их действия он мог беспрепятственно делать все, что заблагорассудится, без чьего-либо вмешательства. Ни внутри, ни за пределами государства не было власти выше королевской. В эпоху, когда далеко не все считали королевское слово последним, было важно внедрить идею, что действия короля по закону не могут ставиться под сомнение. По мнению Боссюэ, апологета Людовика XIV, король не подчинялся никакой человеческой власти: если он поступал неправильно, не существовало законных средств контроля или исправления

¹ Bluche F. 1990. *Louis XIV*. Basil Blackwell. P. 128.

его действий. Боссюз выдвинул четыре тезиса. Король ни перед кем не отвечал за свои поступки; если он принимал решение, все другие отменялись; ни одна власть не могла ему препятствовать; однако он не исключался из сферы действия закона.¹ Эти положения стали определением «абсолютизма» и были справедливы как в отношении английской короны, так и континентальных монархий, как для эпохи Тюдоров, так и для времен Ганноверской династии. Оксфордский словарь английского языка говорит, что королевские prerogatives «теоретически не подлежат ограничению». Парламент мог объявить импичмент министрам, но король находился в неприкосновенности — в отличие от испанских монархов, которых можно было привлечь к суду, как любого из их подданных.²

Король мог объявить о расширении своих prerogatives, и в таком случае они начинали противоречить правам подданных. Это могло произойти в моменты напряженности, когда монархи были вынуждены идти на слишком резкие и односторонние заявления. Так поступил Людовик XIV в 1766 году, когда объявил себя единственным источником власти и права. В этом высказывании, которое обычно приводится как классический постулат «абсолютизма», не упоминается о правах подданных — или парламентов, олицетворявших эти права. Поскольку французская конституция была достаточно расплывчатой и содержала различные элементы, то при одностороннем подходе к ней легко впасть в заблуждение.

Французские юридические трактаты нередко говорят о законодательной prerogative короля. О том, сколько сложностей с ней связано, мы уже упоминали выше. По убеждению историков — «абсолютистов», право монарха издавать такие законы, какие ему угодно, распространялось на права и свободы подданных, которые в действительности *исключались* из его компетенции согласно данному королем обязательству уважать их. Французские короли способствовали созданию сходной иллюзии, когда заявляли о своем безраздельном праве осуществлять законодательную власть. Поэтому так важно провести границу между риторикой и реальностью. Французские короли *не имели возможности* издавать такие законы, какие им заблагорассудится.³ Их законодательная prerogative заключалась в неограниченном праве *вносить законы на рассмотрение*. Право *утверждать* законы, если они соответствовали установленным принципам равенства, принадлежало парламенту: без его утверждения законы не вступали в силу. Напротив, английские короли не обладали исключительной законодательной инициативой: их prerogative состояла в праве вето. Французские

¹ Le Brun (ed.). 1967. *Politique tirée des propres paroles de l'Écriture Sainte*. Droz. P. 92–97.

² Kamen H. 1983. *Spain 1469–1714*. Longman. P. 148.

³ Bluche. 1990. P. 130.

монархи усложняли ситуацию тем, что передавали парламенту те дела, которые английские короли сочли бы политическими: например, составление завещания или объявление войны. Они принимали решение и ожидали, что парламент одобрит его без возражений.

Предложенная Монтескье теория разделения властей создала в этой области еще большую историографическую путаницу. Монтескье утверждал, что в хорошо организованной монархии исполнительная и законодательная власти отделены друг от друга и таким образом гарантируют свободы подданных. Этого не было ни в Англии, ни во Франции. В обеих странах исполнительная власть принадлежала монарху и он же творил законы с согласия законодательного органа — парламента.

Король претендовал и на право контролировать религиозную принадлежность своих подданных. В Англии оно оспаривалось парламентом, а во Франции, Испании и Австрии — папой. Кроме того, большинство списков, в которых перечислялись прерогативы, включали в себя довольно нечетко определенные чрезвычайные полномочия, предоставлявшиеся монарху в кризисных ситуациях. Этот аргумент — *raison d'état* — позволял ему попираť права подданных, которые в обычной ситуации были неприкосновенны. Ришелье и Оливарес прославились использованием таких приемов, и на этом основании некоторые историки предположили, что они сделали государство «абсолютистским». И все же у нас нет оснований считать эти чрезвычайные мероприятия установленными нормами управления. Они оставались исключениями из правил, и, следовательно, французская монархия сохраняла свой правовой статус.¹ В то же время в Англии, где обычные прерогативные права применялись в чрезвычайных ситуациях, она представляла собой противоположную модель. Некоторые исследователи полагают, что после 1688 года королевские прерогативы здесь использовались очень редко.² Действительно, если забыть о том, что монарх, как правило, обладал рядом прерогатив, тогда Англию и в самом деле можно представить как особый случай.

ПРЕРОГАТИВА ПАТРОНАТА

Королевские прерогативы делали двор монарха центром политической жизни, поскольку благодаря своей абсолютной власти король оказывался в фокусе внимания. Это, в свою очередь, давало ему возможность использо-

¹ Shennan J. H. 1968. *The Parlement of Paris*. Eyre and Spottiswoode. P. 252.

² Miller J. 1987. *Bourbon and Stuart*. George Philip. P. 34; Wilson C. 1988. King William — a 1988 Assessment // Butler M., Price B. And Bland S. (eds.) *William and Mary*. William and Mary Trecenary Trust. P. 23.

вать двор как инструмент для осуществления своих prerogatives решений и для объединения разнородных территорий своей страны. Главнейшей prerogative монарха было назначение должностных лиц и патронат, под которым подразумевалось распределение титулов и достоинств, патентов и королевских хартий. Расположение короля было честью, его немилость — смертью обычно в фигуральном, но иногда и в буквальном смысле слова. Мало кто полагался на действия парламента или Генеральных штатов, хотя лоббирование там своих интересов стало в этот период искусной тактикой, особенно в Англии. Центром притяжения как в Англии, так и на континенте был монарх. Вопросы о покровительстве решались им одним, и все придворные мечтали повлиять на его выбор: в этом случае они обретали влияние и возможность оказать милости своим клиентам. Прошения о милостях могли дойти до правителя только через тех, кто имел к нему доступ. Следовательно, доступ к королевской особе был решающим фактором, а королевский двор открывал к нему путь. Это верно как для монархий с сильными сословными представительствами, таких как Англия, так и со слабыми, таких как Франция. Поскольку в монархическом государстве исполнительные полномочия были сосредоточены в руках одного человека, центр власти был там, где находился король. Те, кто присутствовал при отправлении его естественных нужд и социальных обязанностей, имели выгодный шанс снискать его милость и изложить свои политические предложения. При монархах-атлетах, каким был Генрих VIII, большинство политических решений формулировалось в мужской комнате для переодевания. В этом были свои преимущества. Так как главным для монарха было решить, кому он мог доверять, самым разумным представлялся выбор политических доверенных из числа близких друзей.

Ни один амбициозный человек не отлучался надолго от двора: конкуренция царила во всем, а соперники действовали стремительно. Придворные боролись за внимание короля на балах и на охоте, на маскараде и в комнате для совещаний, на службе и в постели. Ревность была яростной, споры жестокими, а дуэли, сопровождавшие придворные интриги, весьма опасными. На министерском уровне ставки повышались, поэтому профессиональные политики часто ставили на карту свою жизнь. Это было вызвано не кровожадностью монарха, а нежеланием лидеров фракций оставить побежденных соперников в живых и дать им шанс продолжить борьбу. События показывают, что враги, у которых остались личные счеты, могут погубить даже самых влиятельных государственных мужей, не имеющих в наше время возможности прибегнуть к помощи плахи и топора для устранения конкурентов.

Дабы упрочить свое положение, придворные объединялись в команду, или фракцию, — группу, связанную общей целью, или родственными уза-

ми, или и тем и другим одновременно. И все же не только фракции определяли политику. Монархам следовало избегать двух крайностей. Те, кто, подобно Людовику XV, не уживались с назначенными министрами, выражали свое недоверие, отправляя их под суд. Фракции не чувствовали стабильности, так как понимали, что тот министр, которого они поддерживали, в любой момент мог оказаться в опале. Любовницы манипулировали Людовиком XV так же, как и политики: Людовик XIV никогда к их мнению не прислушивался, однако его наследник в постели вел политические беседы. Государи, позволявшие фракции монополизировать власть, как произошло в случае с Георгом III и Уолполом, видели, что остальные группировки выступают против. Людовик XVI сумел совершить обе ошибки. Решительные государи — Георг III и Людовик XIV — сраивали фракции друг с другом, чтобы таким образом получить наибольшую свободу действий.

Фракции стремились обрести власть и получить покровительство монарха. Они скреплялись родственными узами и отношениями клиентелы, и редко — политическими устремлениями. Если же это происходило, возникали фракционные коалиции; таковыми были политические группы, соперничавшие во время разрыва Генриха VIII с Римом в 1530-х годах. Хотя заявления соперников часто принимались историками за их политические убеждения, политические разногласия редко составляли подлинную суть политического конфликта. Главным было то, кто участвовал в борьбе. В 1730-х годах российской императрице Анне Иоанновне был выдвинут ультиматум: передать прерогативы объявления войны и заключения мира, раздачи титулов и основных должностей в компетенцию Верховного тайного совета, что можно представить как попытку превратить Россию в конституционную монархию, основанную на дворянской олигархии. Но, вероятно, это было обычной борьбой за власть. Оппозицию Верховному тайному совету составляли представители высшей знати, оказавшиеся не у дел.¹

Центральным правительствам не доставало развитой системы местного управления. Старая привычная концепция сводилась к тому, что английские монархи не могли быть «абсолютными», так как не имели эффективно действующей бюрократии на местах. Она оказалась ложной, когда выяснилось, что правители Франции испытывали те же трудности. Большинство монархов раннего Нового времени сталкивались с извечной проблемой: как убедить провинциальную знать действовать в интересах короны. Им требовалась поддержка тех, кому реально принадлежала власть на местах. Любая административная политика или реформа, проводимая государями, учитывала это обстоятельство, и должна рассматриваться в данном контексте. Монархи, как пауки, находились в центре охватывавшей всю стра-

¹ Black J. 1990. *Eighteenth-Century Europe*. Macmillan. P. 411.

ну паутины связей патронов и клиентов. Они дергали за ниточку, и периферийные агенты откликались. Известно, как этот механизм функционировал во Франции, однако особенности управления в Австрии, Пруссии и России, где производились серьезные попытки расширить государственный контроль, а именно привлечь местное дворянство к государственной службе, до сих пор остаются неизученными.

Эффективность осуществления королевской власти на местах зависела от покровительства центра. Двор был основным инструментом воздействия на правящую элиту, и сбой в его работе означали катастрофу. Дворы Карла I, Иосифа II и Людовика XVI перестали привлекать местные элиты в центр; вместо того они сделались раем для королевской клики, а изгнанные фракции занимались подготовкой восстания. Государям эпохи Просвещения было сложно разрешить возникшую проблему, так как придворный церемониал утомлял их. Поэтому Екатерина II достигла успехов больших, чем ее австрийский коллега. Предпочитая в приватной обстановке неформальное общение, она царила при дворе, прославившемся своей пышностью.¹ Третий участник «просвещенного» трио — Фридрих II — остается загадочной фигурой. Судя по молчанию биографов, у него не было двора. Поэтому неосторожно утверждать, что прусский двор еще ждет своего исследователя.

ФИНАНСОВАЯ ПРЕРОГАТИВА

Финансовые prerogatives породили наибольшее количество споров. Ее использование обеспечивало корону собственными регальными доходами, в которые входили поступления с королевских земель, судебные отчисления и платежи знати королю как своему феодальному сеньору. Некоторые юристы говорили о существовании prerogative налогообложения. Но оно представлялось весьма спорным, поскольку такая prerogative подразумевала право государя изымать собственность подданных и ущемляла их права. Мнения историков, так же как и мнения современников, разделились: некоторые исследователи признавали ее существование, другие — отрицали.² Неразбериха возникла оттого, что некоторым монархам раннего Нового времени удавалось получить финансовую независимость, не прибегая

¹ De Madariaga. 1990. Catherine the Great // Scott H. M. (ed.) *Enlightened Absolutism*. Macmillan. P. 310–311.

² Koenigsberger H. G. 1987. *Early Modern Europe 1500–1789*. Longman. P. 182; Zagorin P. 1982. *Rebels and Rulers 1500–1660*. Cambridge University Press. P. 91; Behrens C. B. A. 1962/3. Nobles, Privileges and Taxes in France at the end of the *Ancien Régime* // *Economic History Review*, xv. P. 426; Munck T. 1990. *Seventeenth-Century Europe*. Macmillan. P. 35.

к прямому налогообложению. Они умело эксплуатировали прерогативные доходы, которые по определению не подлежали контролю представительных органов. В случае с Генрихом VII и его ученым советом (Council Learned) королевские права использовались явно незаконно. Юристы Якова I были гораздо искуснее и могли доказать, что введенные им без согласия парламента и не относившиеся к прерогативе таможенные пошлины на самом деле были попыткой регулировать торговлю. Беспрецедентные размеры королевских земельных владений делали прусских монархов менее зависимыми от вотированных представительствами налогов, причем вполне законным образом.

Не проясняет картину и право вводить чрезвычайные налоги, на которое претендовали европейские правители, находя оправдание в *raison d'état* военного времени. Мы уже говорили о том, что французские короли не смогли придать ему статус постоянной привилегии, для которой не требовалось одобрения сословного представительства. Такой порядок действовал в 1695 и 1710 годах, когда капитацией и десятиной обожили всех, независимо от социального положения. Людовик XIV обезопасил себя от юристов Сорбонны лишь после того, как уверил их, что эти налоги являлись временной военной мерой. Так и оказалось. Даже монархия «короля-солнца» с ее относительно сильной администрацией была не в состоянии облагать налогом собственность подданных по своему усмотрению или превращать *raison d'état* в свое постоянное оправдание.¹ Несмотря на то что историки постоянно говорят о праве «абсолютных» монархов вводить налоги без вотирования представительством, при более внимательном рассмотрении значение этой прерогативы кажется гораздо более скромным.

ПРЕРОГАТИВЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО, ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В раннее Новое время правительства многих стран остро ощущали потребность в регулировании жизни подданных, что кажется одной из их многочисленных новаций. Хотя корни государственного регулирования уходят в Средние века, Раев полагает, что импульсом к упорядочиванию и систематизированию послужила важная черта эпохи Ренессанса — поиск рационального порядка. Эпоха Просвещения явила две тенденции: поиск рационального устройства продолжался, однако существовало мнение, что

---

¹ Church W. F. 1969. Louis XIV and Reason of State // Rule J. (ed) *Louis XIV and the Craft of Kinship*. Columbus. P. 375.

в экономике естественный ход вещей лучше чем тот, что предлагает правительство. Многие сферы жизни, в которых мы воспринимаем регулирование, мы принимаем как данность — обязанности официальных лиц, дисциплина вооруженных сил, статус социальных и профессиональных групп, одежда, которую они носят, труд наемных рабочих и ценовая политика производителей — первоначально испытывали на себе воздействие правительства. Ранее регулирование осуществлялось городскими корпорациями, церковью и представительными органами: контроль центра придал ему более внушительные размеры. Но отсюда не следует, что развивался «абсолютизм», так как централизованного аппарата регулирования не было. Принуждение оставалось функцией корпоративных органов. Эта гиперактивность не была характерна только для государств, которые традиционно считаются «абсолютистскими». Для любого государства регулировать ситуацию было предпочтительнее, чем предоставлять ее разрешение случаю, тенденциям рынка, прихотям отдельных людей или ненадежным обычаям прошлого.

В раннее Новое время правительство регулировало социальную и экономическую жизнь. Это касалось не только «абсолютистских» государств, поскольку Англия и Республика Соединенных Провинций, как и Франция, не были готовы допустить свободную игру на рынке. Экономические инстинкты и стремление получить выгоду считались анархическими силами, подрывавшими благосостояние общества из-за личной алчности. Целью было подчинение гильдий, портов, провинций и прочих групп, действовавших в эгоистических интересах, пользе государства в целом. Только в конце XVIII столетия просветители-физиократы объявили рыночные тенденции создателями, а не разрушителями общего благосостояния. Многие в регулирующей деятельности входило в сферу королевских прерогатив или полномочий штатов и городских корпораций. У государей, таким образом, был выбор. Некоторые, как особые агенты при выборе оружия, в каждом случае, когда приходилось прибегать к принуждению, производили тактическую оценку условий. В Англии предпочитали издавать прерогативные патенты, которые позволяли более четко и гибко регулировать экономику. Тонкие нюансы в требованиях ввозить испанский, а не американский табак, мало что говорили парламенту: гораздо проще было предоставить торговцам монополию, издав королевскую хартию.¹

Использование таких прерогатив говорит о рождении феномена, который Раев называет «регулярным полицейским государством».² В контексте

¹ Hinton R. W. K. 1957. The Decline of Parliamentary Government under Elizabeth I and the Early Stuarts // *Cambridge Historical Journal*, xiii, 2. P. 126.

² Raef M. 1983. *Well-ordered Police State*. Yale University.

эпохи раннего Нового времени этот термин, который может ввести нас в заблуждение, означал лишь «хорошо организованное социальное устройство». В XVII веке представление о нем воплощалось в комплексе идей камерализма, которые подчеркивали единство правительства и народа, а также потребность в профессионально образованных чиновниках для регулирования жизни подданных в интересах сообщества. В Германии политическая теория камерализма предписывала административной элите получать высшее образование. Здоровье, гигиена, мораль и образование были объектами пристального внимания. Во Франции и Германии городские советы следили за чистотой улиц, вывозом мусора, передвижением транспорта, использованием безопасных строительных материалов, размещали на постоянной армией. После реформационных потрясений церковь перестала помогать бедным, дав государству еще одну возможность регулировать положение социальных низов. Насколько успешно осуществлялось это регулирование, неясно. Как правило, планы, выдвигавшиеся правительствами раннего Нового времени, впечатляют больше, чем достигнутые ими результаты. Но одно существование таких планов уже опровергает устоявшееся представление о том, что в ту эпоху правительства были озабочены прежде всего собственным усилением, а не повышением уровня жизни и культуры своих подданных. Подобное представление — пародия на государей эпохи Просвещения, правивших после 1750 года, и клевета на их предшественников.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ПРЕРОГАТИВА

Еще одной важной королевской прерогативой был контроль над внешней политикой, точнее — право объявлять войну. Поскольку в этой области сотрудничества корона менее всего нуждалась в одобрении знати, дипломатия и заключение договоров, ведение войны и контроль за вооруженными силами были сферой, в которой королевские прерогативы не подвергались сомнению. Следовательно, определяющим фактором здесь являлись личные взгляды монарха или того, кто оказывал на него влияние: политика была зеркалом придворной жизни и фракционной борьбы. Поэтому она была изменчивой и непредсказуемой.

И все же доминирующая роль личности и пристрастий монарха во внешней политике оспаривается. Академическое изучение истории дипломатии началось в конце XIX века и несло на себе отпечаток этой эпохи. Результаты были столь же ошибочны, сколь и остальные представления об «абсолютизме», характерные для этого столетия. То, что серьезные внешнеполитические вопросы зависели от прихоти короля и придворных интриг, так огорчало историков XIX века, что они чувствовали себя обязанными изу-

читать данный вопрос лучше. Но чем больше они искали, тем меньше находили. Они пытались показать, что в тот период международные отношения строились с учетом интересов нации. Свою ошибку они усугубляли тем, что отводили ведущую роль официальным дипломатическим источникам, в которых решения принимали рационализированную форму. Традиционная историография разделяла международные отношения и их движущие силы — произвольные желания монархов и их придворных. И все же случайный характер внешнеполитических событий был очевиден для современников. Отмечая, что малейшие трения при дворе могут привести к войне, один французский юрист в 1730-х годах писал: «Величайшие события, помпезно преподносимые историей, имеют совершенно пустячные причины». Десятью годами ранее французский посол в Вене размышлял о пугающем могуществе случая: «В эпоху, когда мы способны диктовать условия всей Европе, малейший поворот событий может сделать нас слабейшим государством».¹

Большинство монархов управляло странами, лишенными этнического, языкового, религиозного или культурного единства. Общность интересов современников или общее прошлое часто отсутствовали. В таких на первый взгляд единых странах, как Франция, и в государствах разнородных, таких как империя Габсбургов, единственной надежной связующей силой была верность правящей династии. Националистические идеологии сплотить страну только перед лицом внешней угрозы. Монархи зависели от репутации своей династии: они старались приумножить ее славу и осуществить ее права. В наши дни историки международных отношений подчеркивают преимущественно династические акценты придворной культуры, представлявшей войну героическим деянием.² В XVIII столетии государи продолжали появляться на полях сражений хотя бы просто для вида. После победы они объявляли о своих заслугах. Гендель в «*Dettingen Te Deum*» воспел доблесть Георга III. Образ короля-победителя был частью древней традиции прославления Его величества в его наиболее величественной роли — в роли воителя. Миролюбивый философ Вольтер сходным образом воспел подвиги Людовика XV при Фонтенуа в 1745 году. В его опере на музыку Рамо государь сравнивался с императором Траяном, допущенным в храм Славы, но о случайном присутствии на поле боя маршала Сакса не говорилось ни слова.

Династическая перспектива просматривается и на других направлениях внешней политики. Государи открыто говорили о войнах и мирных договорах как о личных соглашениях. Даже Фридрих II, государь, мысливший

¹ Black J. 1990. *The Rise of European Powers*. Arnold. P. 149–154.

² Black J. 1987. *The Origins of War in Early Modern Europe*. John Donald. P. 7–8.

династически в меньшей степени, в пространных беседах о том, что он — «слуга государства», говорил о Марии-Терезии как о *своем* враге и о *своем* решении вступить в войну. Большинство войн велось за право наследовать престол, и так как представители правящих династий заключали между собой браки, права и встречные права умножались. Таким образом, многие международные конфликты были семейными ссорами.

Не так давно исследователи предприняли дальнейшие попытки рассмотреть внешнюю политику раннего Нового времени в ином ракурсе. Было выдвинуто предложение «деперсонализировать» экспансию России на Черное море в царствование Екатерины II и считать ее перманентной динамикой русской истории, а не личной инициативой императрицы. Возможно, черноморская экспансия и была частью общей военной стратегии России, однако едва ли Екатерина руководствовалась подобными соображениями. Положение немки, узурпировавшей престол Романовых, было весьма непрочным, и она не стала бы развязывать войну по одним лишь стратегическим мотивам. Ее целью было выжить, и зрелищные победы увеличивали ее шансы. Кроме того, историки пытаются доказать возникновение идеи современного деперсонифицированного государства — и, как следствие, формирование надперсональных внешнеполитических приоритетов.¹ Средневековые короли отождествляли государство со своей династией. Шеннан полагает, что в XVIII столетии все большее число государей и их пропагандистов использовали представление о государстве, отождествляемом общими интересами правителя и подданных. Это подтверждается как неуважительным отношением таких монархов, как Петр I и Фридрих II, к своим родственникам, так и их готовностью принести себя или свой клан в жертву высшим целям.

Рассуждения мыслителей, на которых строит свое доказательство Шеннан, кажутся менее убедительными. Многие из них, например Гоббс, были выдающимися философами, но их теории не отражали представлений, господствовавших в умах современников. Поэтому сегодня их сочинения не входят в число первостепенных источников при изучении политических воззрений своего времени. И каковы бы ни были достоинства тезиса Шеннана, он неприменим к внешней политике, где любое представление о государственном интересе как о предмете, отличном от интересов монарха, все еще были слишком расплывчаты. И участвовавшие обращения к *raison d'état* вовсе не свидетельствуют о реальном существовании в этот момент какой-либо государственной необходимости. В устах Фридриха II и Екатерины II такие высказывания просто оправдывают их династические амби-

¹ Hufton O. 1980. *Privilege and Protest*. Fontana. P. 233–235; Shennan J. H. 1974. *The Origins of the Modern European State 1450–1725*. Hutchinson. P. 9.

ции. Эгоистические цели казались более возвышенными, если преподносились как стремление к высшему благу государства. Раздел Польши представлял собой типичное укрепление династий, аккуратно замаскированное новой идеологией баланса сил. Если учитывать это обстоятельство, то слишком наигранной покажется готовность Людовика XIV расстаться со своими династическими притязаниями при заключении договоров о разделе испанского наследства в 1699–1700 годах. Он как рассудительный человек всегда понимал, до каких пределов могли распространяться его притязания, а в 1699 году Франция была ослаблена. Таким образом, вопреки утверждению, что в XVIII столетии внешняя политика стала менее династически ориентированной, большинство новаций на самом деле были лишь новыми названиями, за которыми скрывались старые обычаи.

ПРОВОДНИКИ ПРЕРОГАТИВЫ

Макс Вебер выделял два вида власти: патриархальную и бюрократическую.¹ Первый вид — власть персональная и самовластная. Государь властвует по собственному праву, ему подчиняется его клиентела. Его чиновники — плохо подготовленные любители, деловые процедуры неформальны и большая часть дел ведется устно. Второй вид — власть деперсонифицированная и беспристрастная. Власть принадлежит государю по должности, и он управляет потому, что занимает эту должность. Чиновники — опытные профессионалы, исполняющие установленные предписания и ведущие письменные протоколы.

Когда Вебер описывал эти две модели, он не подозревал, чем была власть в раннее Новое время. Большинство правительств представляло собой смесь обоих указанных видов. Парижская бюрократия, прославившаяся своей эффективной работой, состояла из династий, оккупировавших, подобно паразитам, в ней должности. Они поднаторели в делопроизводстве, однако достигли этого в системе отношений клиентелы, совершенно чуждых меритократическому XIX столетию. Стремление историков этого века модернизировать события вновь создает проблемы для понимания.

Однако существующая концепция «абсолютизма» строится на допущении, что существовавшая бюрократия была способна доводить королевские приказы до общества и при этом не зависела от структур этого общества. Кажется, что на практике королевская прерогатива работала иначе. В раннее Новое время бюрократия может быть ошибочно названа «чиновничеством». Однако большинство королевских чиновников покупало свои должности и считало их своей собственностью, которую следовало использовать

¹ Weber M. 1968. *Economy and Society*. New York. Part 2. Chapters 10–14.

скорее в собственных интересах, чем на пользу государства. Тотальный характер личных связей родства и клиентелы стирал различия между администраторами и теми, кем они управляли. Историки социального направления подчеркивали дилетантский характер службы чиновников в раннее Новое время. Функции чиновника в большей степени определялись тем, кем он был, чем занимаемой должностью. Его способность приводить в повиновение зависела скорее от ранга и количества его друзей, а не от официальных полномочий. Напротив, историки-институционалисты подчеркивали бюрократические черты так называемой «административной монархии» во Франции при последних Бурбонах и в германских государствах — например, наличие кодексов делопроизводства, описаний занятий, профессиональную подготовку и высокие стандарты публичной службы.¹ На самом деле механизмы бюрократии и патроната в эту эпоху действуют параллельно, но способ их взаимодействия не поддается точному описанию.

Столь же ошибочно широко распространенное мнение, что «абсолютные» монархи XVII века возвышали «новых людей» для осуществления королевских прерогатив и своей «абсолютной» власти. Новыми эти люди были в том смысле, что они происходили из семей, ранее не входивших в правящую элиту, монархи не обращались к классам, которыми пренебрегали их предшественники. Заявления историков об оригинальности их политики вызваны незнанием истории Средних веков. Сходство теорий, описывающих так называемые «новые монархии» Генриха VII Английского, Людовика XI Французского и Фердинанда Арагонского, должно нас настораживать. Средневековые государи имели обыкновение выбирать сподвижников для политической и административной деятельности (различия между которыми были весьма неопределенными) из периферийных слоев знати или с более низких уровней. Таким образом, монархи могли рассчитывать на их преданность короне. «Новые люди» быстро получали в награду титул и статус, соответствующий их новому положению, если не успевали приобрести их после покупки должности. Выскочки вроде Уолси и Флери получали кардинальские шапки. Следовательно, трения между «старой» и «новой» знатью были обычны для любой эпохи, а отнюдь не уникальным явлением эры «абсолютизма».

Как уже было показано, концепция «кризиса аристократии», начавшегося в этот период, является общепринятой. Согласно этой теории, наследственная «феодалная» знать — принцы крови, гранды и «дворянство шпаги» — уже ощутившая последствия экономической депрессии XVII столе-

¹ Behrens C. B. A. 1985. *Society, Government and the Enlightenment*. Thames and Hudson. P. 41; Campbell P. R. 1988. *The Ancien Régime in France*. Basil Blackwell. P. 54–60; Gagliardo J. G. 1991. *Germany under the Old Regime 1660–1790*. Longman. P. 118–120; Shennan J. H. 1986. *Louis XIV*. Methuen. P. 14–16.

тия, была вытеснена с государственной службы юристами-буржуа и бюрократами «дворянства робы». Одно серьезное исследование, посвященное знати Нормандии, заставляет серьезно усомниться в этом утверждении, хотя неясно, насколько типичной была ситуация в этой провинции. Лишь немногие представители знати испытывали экономические трудности, несмотря на сложные условия. Главное открытие, относящееся к данной проблеме, заключается в том, что многие чиновники уходили со своих должностей, как только аноблировались, и смешивались с существующей знатью. Они женились на представительницах влиятельных фамилий и усваивали стиль жизни дворянства. Хотя в первом поколении поведение людей еще различалось, адаптация происходила быстро и препятствовала образованию двух разных дворянств, активного и пассивного. В XVII веке две трети знати, за счет которой возвышались их соперники-буржуа, возвысились таким же образом менее ста лет назад. Начиная по крайней мере с XIV века дворянство западной и восточной Европы формировалось и пополнялось людьми, служившими короне. Аристократы всегда морочили голову своим современникам — а также историкам — легендами о древности своего рода.

Тридцать лет назад Хэкстер мудро заметил, что средние слои *всегда* стремились возвыситься. Очевидно, мифы не так легко уходят со сцены. В каждом столетии — от XII до XX — историки всех европейских стран объявляют возвышение буржуа уникальной особенностью своей эпохи. В раннее Новое время единственной новацией было создание новых правил для прежних участников процесса. В Западной Европе корона все более обогащалась за счет амбиций тех, кто пробивался и покупал должности. В Восточной Европе прежним реалиям был придан официальный вид табелей о рангах, формально иерархизировавших знать согласно положению на государственной службе, чтобы сгладить давние трения. Старые знатные семейства продолжали доминировать в новых формах, в то время как обычно считается, что государи открыли путь незнатным, деньги и службу которых они собирались использовать. Устройство королевских армий также опровергает утверждение, что «абсолютизм» был инородной надстройкой общества. Армия, в которой офицеры, происходившие из знатных семей, командовали своими зависимыми людьми и экипировали их за собственный счет, является свидетельством общности интересов знати и короны.¹

Итоги данной дискуссии могут существенно повлиять на содержание понятия «абсолютизм». Возникают сомнения в том, действительно ли знать

---

¹ Bitton D. 1969. *The French Nobility in Crisis*. Stanford; Wood J. B. 1980. *The Nobility of the Election of Bayeux 1463–1666*. Princeton University. P. 69–98; Lander J. R. 1973. *Ancient and Medieval England*. Harcourt Brace Jovanovich. P. 159–163; Hexter J. H. 1961 // *Reappraisals in History*. Longman. P. 71–116.

претерпевала изменения в соответствии с запросами нового режима. Более уместно было бы сказать, что правительство было вынуждено приспосабливаться к менявшемуся положению знати. Кроме того, следует с осторожностью относиться к предположению, что знать препятствовала усилению королевской власти. Безусловно, некоторые дворяне сопротивлялись контролю правительства, особенно если прежде они с успехом тиранили города и деревни, а теперь этой возможности лишились. Однако не вся знать находилась в конфронтации с абсолютной властью. Некоторые дворяне ей содействовали, если им было выгодно. Королевские prerogatives были не просто механизмом управления, но и открывали богатые возможности. Только бюрократия, свободная от произвола влиятельных лиц, могла бы освободить монархов от необходимости потакать требованиям элиты. Присутствие такой бюрократии считалось концептуальной составляющей понятия «абсолютизм», но доказательств ее реального существования нет. Чтобы правительство могло избавиться от притязаний «старой» знати, ему потребовалась бы социальная революция, которой так никогда и не произошло. Поэтому действие абсолютной королевской prerogative на практике сдерживалось необходимостью учитывать интересы земельной знати.

ПРЕРОГАТИВА ИНТРОНИЗОВАНА

Изумленные туристы бродят по Версалию, Шенбрунну и Касерте и не могут поверить, что все это великолепие предназначалось для одной семьи. Целью монархов было вовсе не пустое самолюбование. Концентрация огромной prerogative власти в руках одного человека порождала множество вопросов. Республиканская традиция не умерла и предлагала альтернативную модель государственного управления. Республика Соединенных Провинций олицетворяла собой молчаливый вызов всем королям (Людовик XIV осознал это в 1672 году), а в 1640-х и 1650-х воинствующая республиканская идеология подняла голову во Франции и Англии. Так как защищаться от нее с помощью рациональных доводов представлялось сложным, монархия была вынуждена подчеркивать свои духовные, мистические элементы. На величие суверена нельзя было смотреть, чтобы не осквернить его взглядом: приговор приводится в исполнение над изображениями предателей, если сами они не были пойманы. В 1661 году восковая персона одного голландского дворянина была обезглавлена в присутствии короля. Это было обращение — отчасти намеренное, отчасти инстинктивное — к атавистическим импульсам, древним, как сам человек. Так возникал мир, описанный в книге Фрэзера «Золотая ветвь», с его королями-священниками, сверхъестественными силами, королевскими жертвоприношениями и табу. Революция 1688 года не смогла лишить королей способности исце-

лать, и очередь людей, желавших вылечиться, не иссякала вплоть до царствования королевы Анны — хотя говорят, что Вильгельм III во время наложения рук бормотал: «Дай тебе Бог побольше здоровья и здравого смысла».

Возможны были различные степени приближения к монарху, однако все же персона короля была священна и неприкосновенна. При любом дворе обязанности слуг во время купания и облачения монарха исполнялись — реально или символически — придворными высшего ранга, дворянами или членами королевской семьи. Лицеизрение монарха было упорядочено: лишь избранным позволялось находиться при его особе в интимные моменты. Людовик XIV активно использовал право доступа к этим публичным интимностям, чтобы продемонстрировать придворным ту или иную степень своего расположения.¹ Особый статус монархии, как это ни парадоксально, акцентировался через ее публичность, так как при этом появлялась возможность облекать самые обыкновенные действия государя почти небесным достоинством и величием. Точность и пунктуальность были необходимыми качествами для правителя, биоритмы которого сопоставлялись с гармонией небесных тел. Говорят, что придворные сверяли часы по передвижению Людовика XIV. Им предписывалось кланяться блюдам, на которых лежала пища государя, и серванту, в котором лежало его белье. Главным ритуалом при многих дворах была трапеза. Ел только король: остальные смотрели. Каждое блюдо подавал склонившийся на одно колено дворянин. Каждый раз, когда король отпивал из кубка, раздавался сигнал трубы или пушечный салют.

Нужно отметить, что Версаль при Людовике XIV не был высшей формой развития придворного церемониала, как часто ошибочно полагают. Испанский двор окружил персону государя мелочным протоколом, по сравнению с которым ритуалы «короля-солнца» выглядели упрощенными. Простолюдинам под страхом смерти запрещалось прикасаться к королю. В середине XVII века королевские домоправители позволили ста дворянам носить шляпы в присутствии монарха. Но это было только начало. Эти сто делились на три категории: одни могли надеть шляпу перед тем, как заговорить с королем, другие оставались с непокрытой головой до конца своей речи, третьи надевали шляпу, как только начинали говорить.² В остальном испанский двор был строгим. Коронационного ритуала не было, а на портретах король изображался не в величественных одеяниях, а в простом черном камзоле. Подъем и отход ко сну не были публичными действиями, как во Франции. Филипп IV был невидим и недосягаем, скрыт от взглядов толпы в глубине

¹ Elias N. 1983. *The Court Society*. Basil Blackwell. P. 84–85.

² Elliott J. H. 1977. Philip II of Spain // Dickens A. G. (ed.) *The Courts of Europe*. Thames and Hudson. P. 173–175.

своего дворца и постоянно окружен одними и теми же лицами. Обедал он молча и в одиночестве.

Вопреки расхожему мнению, церемонии французской монархии были одними из самых непринужденных в Европе. Прославленные ритуалы Версаля не были исключением. Никто не опускался на колени перед Людовиком XIV; придворным не запрещалось поворачиваться к нему спиной, как то было в Лондоне, Мадриде или Вене. Француз кланялся своему королю, как поклонился бы любому человеку благородного звания. Король Англии открывал парламент, восседая на троне в парадном одеянии, в короне, со скипетром и державой. Король Франции облачался в свои регалии только дважды — во время коронации и лежа в гробу. На троне он восседал только тогда, когда нужно было произвести впечатление на важное иностранное посольств или приструнить парламент. Хотя «король-солнце» и имел постоянную охрану, жил он на публике. Находясь днем и ночью на всеобщем обозрении и имея возможность уединиться только в постели с любовницей, он вел себя так, как вели себя его предки. Генриха III убили, когда он давал аудиенцию, сидя на ночном горшке.

В последние два десятилетия историки активно занимались сопоставлением внутренней планировки дворцов и протекавшей в них общественной и политической жизни. В результате королевские покои стали новым видом исторических источников. Их устройство проливает свет на то, что одновременно было главной целью и организующим фактором жизни двора — на способы регулирования доступа к монарху, которому приходилось каким-то образом ограждать себя от постоянно возрастающего числа назойливых придворных. Доступ к монарху следовало регламентировать. Его статус — или статус его министра — определялся тем, сколь долго они заставляли просителей ждать своего появления. Говорят, что кардинал Уолси заставил одного из них ждать в передней несколько лет. В Англии проблему доступа решала длинная анфилада комнат, которую нужно было преодолеть, чтобы предстать перед королем; причем чем дальше находилась комната, тем уже был круг лиц, допущенных туда. Дворы Австрии, Испании, Саксонии, Бранденбурга и Баварии были организованы сходным образом. Версальский двор функционировал совершенно иначе. Королевская спальня в определенной мере была открыта всем желающим. Важен был тот момент церемонии пробуждения короля, когда зрителям позволялось войти: престижнее было лицезреть короля в ночной сорочке, чем в халате, небритым, а не побрившимся, в коротком парике, который он носил ночью, а не в длинном, который надевался утром. «*Entreés*» проходили в три этапа. Придворные ожидали в передней, откуда их не приглашали войти в спальню. Вскоре им приходилось уступать места своим менее привилегирован-

ным собратьям, но каждый старался пробыть в комнате достаточно долго, чтобы оказаться замеченным королем.¹

В этом не было ничего нового. Начиная с раннего Средневековья короли были окружены церемониями и ритуалами. Однако в раннее Новое время два изменения придали традициям свежее звучание. Во-первых, теперь двор стремился обосноваться в столице, а не паразитировать, разъезжая по резиденциям знати. Создание постоянных резиденций, подобных Версалью, позволяло монархам довести искусство самопрезентации до совершенства. Во-вторых, появилось искусство барокко, ясно показавшее, насколько все прочие стили были непригодны для пропаганды королевской власти. Гиды в Шарлоттенбургском дворце рассказывают, как в 1700-х годах пришлось переписывать портреты казненного в 1660-х Великого Электора. Над скучным изображением маленького толстого человечка будто бы взмахнули волшебной палочкой, украсив его вычурными жестами и изысканными драпировками. Ловкие оформители создавали из скульптур и фонтанов, травы и деревьев, стекла и мрамора, росписей и лепнины главный символ монархии — Версаль. В искусстве визуального воздействия и контроля над аудиторией художники эпохи барокко не знали себе равных, заставляя звучать все струны человеческой души. Лебрен и Ленотр для монархии Бурбонов были теми, кем для нас является Стивен Спилберг.

За всем этим кроется стремление монархов поразить воображение людей. Им требовалось *«maiestas»*, внушительное, великолепное действо. Чем меньшими средствами принуждения они обладали, тем сильнее старались внедрить в умы подданных идею повиновения, вовлекая их в роскошный спектакль. А поскольку знать в своих замках использовала ту же схему, обстановка вокруг короля должна была производить неповторимое, поразительное впечатление. Только теперь, с помощью знатоков литературы и изобразительного искусства, историки начинают расшифровывать значение королевского антуража. Он символизировал не только власть правителя. Достоинство, справедливость, благочестие и военная мощь монарха находили отражение в произведениях пропагандистов. Праздники и процессии изобиловали аллюзиями на библейские и античные сюжеты, настраивавшие зрителя на мистический лад.

Так продолжалось начиная с эпохи Ренессанса вплоть до конца XVIII столетия, когда, как историки нередко утверждают, монархи, раскаявшись, обратились к аскетизму. Габсбургов часто называют одной из самых экономных династий — и, безусловно, одной из самых бедных. Как и их англий-

---

¹ Baillie H. M. 1967. Etiquette and the Planning of the State Apartments in baroque Palaces // *Archaeologia*, 101.

ские собратья, они поздно открыли для себя удобства монументальных дворцов. В 1705 году один француз ехидно назвал венский Хофбург «неприметным»: на его лестницах не было украшений, а государственные апартаменты имели игрушечные размеры жилища буржуа.¹ Но в 1670-х годах эта династия завершила в Шенбрунне строительство последнего великого дворцового ансамбля эпохи рококо, стены которого были украшены позолоченной лепниной, а потолки — розовошекими ангелочками. Габсбурги были равнодушны и к динамичным зрелищам. В 1760 году Изабелла Пармская прибыла в Вену, чтобы выйти замуж за будущего Иосифа II, в кортеже, состоявшем почти из ста карет, запряженных шестерками лошадей, который растянулся на многие мили. Мария-Антуанетта на собственную свадьбу в Версаль приехала на столь же экстравагантном транспорте. Сама Мария-Терезия славилась умеренностью. В 1773 году во время визита к принцу Эстергази ее сопровождала свита всего лишь из семнадцати экипажей. Но она приехала только для того, чтобы послушать оперу.

ПРЕРОГАТИВА ДЕТРОНИЗОВАНА

Что же заставляло монархов так заботиться о сохранении своих прерогатив и престижа? Одной из причин стал так называемый «общий кризис» 1640-х — 1650-х годов. Гипотезы, созданные в 60-х годах нашего столетия, были опровергнуты новейшими исследованиями, камня на камне не оставившими от теории, согласно которой социальные потрясения во Франции, Испании, Англии, Швеции, Голландии и России имели одинаковые причины, и первым доводом было то, что в некоторых странах конфликтов было несколько. Но нельзя упускать из виду и *действительно общие* черты развития. В каждом случае истощение финансов, вызванное войной и неурожаями во всей Европе, периоды царствования малолетних государей, некомпетентные шаги правительства и иссякавшее терпение подданных вызвали восстания примерно в один период времени в разных регионах.² Поскольку в этих государствах монархам удалось восстановить свои прерогативы, возник миф о «веке абсолютизма». Это было не переходом к автократии, а восстановлением нормальной формы монархии. Государи поступали так раньше и будут поступать снова. На сей раз восстановление власти сопровождалось новым соблазнительным аккомпанементом — ба-

¹ Evans R. J. W. 1977. The Ausrian Habsburgs // Dickens A. G. (ed.) *The Courts of Europe*. Thames and Hudson. P. 138.

² Munck T. 1990. *Seventeenth-Century Europe*. Macmillan. P. 235–236; Symcox G. 1983. *Victor Amadeus II. Absolutism in the Savoyard State 1675–1730*. Thames and Hudson.

рочой пропагандой. Новой была не абсолютная власть, а ее информационное оформление.

«Общий кризис» был самым суровым вызовом prerogatives монархии в эту эпоху. Ключ к пониманию «абсолютистского» государства следует искать в предшествующем периоде. В каждом из государств, по отношению к которым употребляется этот термин, сословные представительства или советы знати ранее были необыкновенно могущественными или агрессивными. В начале XVII столетия сословное представительство в Бранденбурге вмешивалось во все внешнеполитические и военные вопросы. Во Франции Генеральные штаты 1484 года и парламент 1597 года претендовали на право назначать королевский совет; так же действовал шведский риксдаг начиная с 1634 года и вновь — с 1718 года. В 1641 году парижскому парламенту был объявлен выговор за вмешательство в государственные и prerogative дела, равно как и парламентам в правление Елизаветы I. В 1642 году английский парламент объявил о своем праве контролировать вооруженные силы, хотя в 1661 году Карл II восстановил над ними свой безоговорочный контроль. В 1661 году Людовик XIV был больше обеспокоен намерениями парламента узурпировать его prerogatives, а вовсе не тем, как самому узурпировать права парламента. В определенный момент в большинстве государств предпринимались попытки урезать королевские prerogatives; перед правителями стояла задача их восстановить. Но эти «абсолютные» монархи стремились восстановить и усилить свою власть в существующих рамках, а не создавать новый порядок.

Правление королей Швеции Карла XI и Густава III традиционно связывается с возникновением в этой стране «абсолютизма». Но после рассмотрения более ранних событий это утверждение оказывается иллюзией. В 1634 году группа дворян воспользовалась внезапной смертью Густава-Адольфа. Согласно Форме об управлении осуществление королевской prerogative власти нуждалось в постоянном одобрении аристократического совета. Поскольку эти требования не устраивали Карла XI, его так называемый переход к «абсолютизму» в 1680 году более справедливо называть возвратом к обычным королевским prerogatives. Это подтверждает и декларация сословного представительства (риксдага): Форма об управлении действовала исключительно в период малолетства государя, а функции совета были лишь совещательными. Право сословного представительства вотировать экстраординарные налоги осталось неприкосновенным. Попытки историков защитить «абсолютизм» династии Ваза основаны на утверждении, будто подданные Карла XI не имели законных средств сопротивления королю. Предполагалось, что он будет уважать их жизнь, свободу и собственность; в противном случае взывать к закону было тщетно. Единственным способом восстановить справедливость было направить коро-

лю петицию с требованием придерживаться принятых им решений.¹ До 1947 года ни один из судов не мог возбудить дело против короля и предпринять что-либо против него. Единственной возможностью была петиция о праве с просьбой о суде и королевской милости. Почувствуйте разницу.

В 1720 году эксперимент 1634 года был повторен, только вместо аристократического совета в государственную политику вмешивалось сословное представительство. В 1722 году Густав III пытался сохранить свои prerogatives. Принятая в этом году конституция имеет репутацию документа, восстановившего «абсолютизм»: при критическом рассмотрении такая иллюзия исчезает. Конституция устанавливала королевские prerogatives во внешней политике и патронате. Контроль над налогообложением и законодательством делился между королем и сословным представительством; развязывание наступательной войны без их одобрения было запрещено. Поэтому prerogatives у Густава III было гораздо меньше, чем у английского короля Георга III.

Не так давно некоторые исследователи обратили внимание на особенности «абсолютизма» в Дании и Савойском герцогстве.² Им удалось показать, что миф не соответствует реальности. В очередной раз мы видим, что многое объясняет распределение власти в предшествовавший «абсолютизму» период. Правление герцога Амадея Савойского начиналось девятилетним периодом регентства. В 1684 году Амадей стал править самостоятельно и установил жесткий контроль центра над провинцией, что вполне осуществимо в небольшом государстве. Его «абсолютизм» едва ли представляет собой нечто большее, чем восстановление режима сильной личной власти в маленьком королевстве. В Дании короли были марионетками, и сильнейшим из них не удавалось править без постоянного вмешательства сословного представительства и советов, контролировавшихся знатью. Датская монархия была выборной. Даже если на практике порядок наследования престола не нарушался, знать всегда имела возможность навязывать правителям ограничительные хартии. Хартии передавали суверенитет в руки короля и аристократического государственного совета (ригсрада), согласие которого требовалось для объявления войны и до некоторой степени для назначения на высшие государственные должности. В 1660 году такой порядок прекратился из-за военной катастрофы, а также потому, что совету не удалось стать альтернативой королевской власти. Монархия была объявлена наследственной по линии Фридрика III и наделена королевски-

¹ Upton A. 1988. Absolutism and the Rule of Law: the Case of Karl XI of Sweden // *Parliaments, Estates and Representation*, 8, no.1. P. 43–46.

² Munck T. 1979. *The Pesantry and the Early Absolute Monarchy in Denmark*. Landbohistrisk Selkab, Copenhagen.

ми prerogatives. В этом отношении Дания следовала по пути многих государств раннего Нового времени, в которых попытки ввести коллегиальное управление оканчивались неудачей.

ВЫВОДЫ

Абсолютные монархи не стремились к неколебимой власти над всем, о чем они только могли помыслить, как предполагает концепция «абсолютизма». Определение абсолютной власти имеет особую специфику. Во-первых, такая власть исключает право на сопротивление или на условную верность, на которые претендовали как французская знать до XVI столетия, так и венгерское дворянство до 1687 года. Абсолютная власть требовала повиновения. Во-вторых, при абсолютной власти государственные дела являются prerogative монарха, а не находятся в ведении аристократических советов или сословного представительства. Абсолютная власть несовместима с конституционными соглашениями, такими, что были навязаны российской императрице Анне в 1730 году и шведскому королю Фридриху I в 1720 году, согласно которым королевская prerogative управлять политикой передавалась в руки аристократических собраний под председательством государя. Напротив, абсолютные монархи со своими министрами советовались, но их слово всегда было последним. Государства, где вопросы внешней политики и контроля за вооруженными силами находились в ведении комитетов, а право принимать решения принадлежало сословному представительству, назывались республиками. Монархия, которая терпела подобные унижения, была не более чем квазиреспубликой. Смыслом и отличительной характеристикой монархии была не передача власти по наследству (королей могли избирать), а контроль над политикой одного человека или его доверенных лиц. Все прочие виды монархии не были достойны этого названия. Выражение «Король правит сам» было одним из многих девизов Людовика XIV. Эти простые критерии отражают суть монархии. Они объясняют мотивы схваток за корону и то, почему борьба за влияние на вельмож было столь упорной.

В этом смысле монархи Ганноверской династии обладали властью столь же абсолютной, что и Бурбоны и Габсбурги. Английская монархия долгое время была сильнейшей в Европе. В то время как она становилась все более абсолютной, на континенте монархии постепенно начали имитировать английскую модель. Концепция «абсолютизма», согласно которой королевская власть распространяется на законодательство и налогообложение, исключает из круга нашего рассмотрения Англию. Но тогда из нее следует исключить все остальные государства раннего Нового времени, ни в одном из которых, за исключением России, люди не могли бы подчиниться столь

деспотическим порядкам. По-иному можно рассматривать и революционные конституции, принятые в 1788 году в Америке и в 1791 году во Франции. Их оригинальность заключалась не в признании прав представительных органов вводить налоги: абсолютные монархи свободно допускали это на протяжении столетий, хотя права представительств были в этих документах расширены. Прежде всего их новизна заключалась в наступлении на королевскую прерогативу. В статьях, касавшихся исполнительной власти, открыто отрицался абсолютный контроль одного человека над внешней политикой: право американского президента объявлять войну было подчинено решениям Конгресса, а право французского короля — Национальному собранию. Подобные антимонархические ограничения создавались не только в ходе революций. Некоторые государи были способны на самопожертвование. Не вступившая в действие конституция, написанная в 1782 году Леопольдом Тосканским, разделяла бывшие королевские прерогативы заключения договоров, объявления войны и сбора армии с выборной ассамблеей. Примечательно, что перед этим он изучал принадлежавший ему экземпляр конституции штата Пенсильвания.¹

Предписанные конституциями меры не были беспрецедентными, однако никогда ранее они не фиксировались в писанных документах такого рода и не предлагались в качестве образца для человечества. Они завершили эпоху, когда абсолютная власть была повсеместной формой правления — хотя и не в таком виде, в каком ее обычно представляют. Именно потому, что ничто больше так не поражало воображение англичан, они сохранили суровую власть королевской прерогативы даже после ее перехода в руки министров, возглавляющих партию большинства в палате общин. Пока Рузвельт, чтобы объявить войну Японии после Перл-Харбора, дожидался заседания Конгресса, Черчилль шел кратчайшим путем. Он вместе с Георгом VI объявил войну и поставил парламент перед свершившимся фактом.

Становится более ясным и вопрос об отношениях между абсолютными монархами и знатью. В утверждении, что действия короля носили антиаристократическую направленность, есть доля истины, но опять же не в привычном для нас значении. Государи не могли справиться с влиянием земельной знати на местах и потому стремились к сотрудничеству с ней. Хотя среди дворян могли оказаться будущие клиенты короля, способные предотвратить опасность, заключенную в том, что центр был вынужден полагаться только на одного местного владельца, не существовало бюрократии, независимой от местных структур власти. Представители знати контролировали местное управление двумя способами: они назначали себя на офи-

---

¹ Anderson M. S. 1990. The Italian Reformers // Scott H.M. (ed.) *Enlightened Absolutism*. Macmillan. P. 67–68.

циальные или полуофициальные должности и исполняли судебные и фискальные обязанности феодальных сеньоров. Людовика XIV, лично производившего назначения на посты в центральном правительстве, можно назвать противником знати, только если мы отождествляем дворянство с небольшой группой грандов. Государственные секретари, министры, советники и администраторы набирались из знати рангом ниже, большинство из них изначально не было ни богатыми, ни влиятельными и, следовательно, именно они наиболее ревностно защищали интересы короля. Дадли и Сесил, лос Кобос и Кампоманес, Ришелье и Фелипо начинали свой путь скромно, а завершали его в одеяниях высшей знати. Королевские чиновники, первоначально принадлежавшие к буржуазии, быстро порывали со своим сословием, поскольку королевская служба всегда была главным способом аноблироваться. Французские Бурбоны в XVII и испанские Бурбоны в XVIII столетии опирались на низшее дворянство, чтобы подорвать позиции грандов в центральных советах. Но даже высшим дворянством короли не пренебрегали окончательно. Все монархи одаряли грандов должностями, на которых могли находиться только люди, стоящие на высших ступенях социальной иерархии: это были посты при дворе и в армии, должности вице-королей, правителей провинций и посланников. Абсолютный монарх был противником знати только в одном отношении. Он отказывался опускаться до роли председателя в самопровозглашенном аристократическом совете. Знать могла советовать и управлять, но в свой совет их назначал король, и его решение было окончательным. Все остальные формы правления не являлись настоящей монархией.

Другая тема, принимающая иное освещение, — это предполагаемое стремление сословного представительства, контролируемого знатью, взять верх над правительством. Это заявление нелепо, так как сословное представительство не вмешивалось не в свои дела. Историки слишком долго считали отношения между короной и представительством непрерывной борьбой. Некоторые исследователи эпохи Тюдоров и Стюартов, правда, утверждали, что английский парламент не стремился расширить свою власть за счет монарха. Но королевские prerogatives быстро таяли, если король не использовал их аккуратно; хотя королевская власть и рождала некоторые ожидания, она была тем, на что государь в действительности мог претендовать. Слабые правители провоцировали сословные представительства добиваться большей власти, которой энергичные государи их впоследствии лишали. Деспотическое правление, неверная налоговая политика, малолетство короля или некомпетентность министров обычно влекли за собой захват королевских prerogatives сословными представительствами или контролировавшей их знатью. В этом отношении в эпоху раннего Нового времени возобновился характерный для Средних веков конфликт, в котором

король и парламент вели борьбу за право назначения на должности. Политические проблемы рассматривались через призму отношений патроната и борьбы фракций. Если некое учреждение выступало против королевских прерогатив, это означало, что королевские чиновники когда-то ущемили интересы значительной части его членов, однако конституционные принципы вовсе не ставились под сомнение. Поскольку управление группировками знати и распределение патроната были первой обязанностью монархии, вызов, брошенный королевским прерогативам, был главным симптомом слабости правителя.

Впоследствии удачливые монархи восстанавливали свои позиции. Противодействие сословным представительствам, узурпировавшим королевскую власть, не делало их «абсолютными» и не уничтожало значения представительства, возвращенных к своим обычным вспомогательным обязанностям. Это ставит под сомнение созданный вигами миф о том, что контроль сословий над правительством был желанной нормой. Это неверно. Сословные представительства желали уничтожить прерогативы компетентных государей не более, чем последние стремились ликвидировать деятельность представительств. И все же европейские историки склоны считать сословные представительства слабыми, несмотря на то, что они разделяли прерогативы государя.¹ Если следовать этому критерию, то английский парламент оказывается одним из самых слабых в Европе раннего Нового времени. Отказавшись от модели противостояния, мы увидим, что сильная монархия не обязательно предполагала слабое сословное представительство. Если государь хорошо справлялся со своей работой, консультативные органы работали на него, а не против него. Следовательно, чем сильнее был правитель, тем лучше.

Акцентуация королевских прерогатив была главной темой европейской истории после окончания периода борьбы с ними. Королевская власть в определенных широких пределах была такой, какой ее делали отдельные монархи. И все же многие историки упрямо искали ответы на неверно поставленные вопросы. Они изучали социально-экономическую основу «абсолютизма» вместо того, чтобы исследовать причуды высокой политики и выдающихся личностей. В Польше были такие же социально-экономические условия, как и в Пруссии: могущественная знать, слабое крестьянство и экономика, основанная на производстве зерна для экспорта в Западную Европу. Но в этих двух странах сходный базис порождал две противоположные формы монархии. В Швеции монархия то приобретала, то теряла абсолютную власть. Нет никаких свидетельств, что ее основная, по марк-

¹ Carsten F. L. 1959. *Princes and Parliaments in Germany*. Oxford University Press. P. 189.

систской терминологии, база претерпевала изменения с 1680 по 1720 годы только для того, чтобы подвергаться дальнейшим преобразованиям вплоть до 1772 года. Историки изучали чиновный аппарат «абсолютной монархии» вместо того, чтобы уловить те импульсы, которыми монархия вдохновлялась. Наконец, их больше интересовали конфликты, спровоцированные абсолютными государями, а не полномочия, которыми те обладали. Исследователи не предпринимали попыток сравнить королевские прерогативы в разных государствах раннего Нового времени, оценить их относительные размеры, определить спорные моменты. Мы полагаем, что успешная реализация прерогатив, а также способность увеличивать ее размеры при минимальной оппозиции отличала сильных государей от слабых. Находчивые юристы находили способы расширить прерогативы монарха, не преступая правила слишком решительно. Изучать монархию раннего Нового времени без четкого понимания прерогативы — все равно, что наблюдать за партией в теннис на поле без разметки.